

Владимир Аракчеев

Псковское восстание 1650 года: город в противостоянии с государством¹

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, директор, Российский государственный архив древних актов, профессор, НИУ «Высшая школа экономики».

arakk@rambler.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования фундаментальных основ жизни Пскова середины XVII столетия, предопределивших траектории социального взаимодействия во время восстания 1650 г.: системы обеспечения стрелецкого гарнизона, вооружения посадского населения и рыночных механизмов функционирования городской экономики. Показано, что дисперсная структура размещения населения, когда дворы служилых людей и духовенства стояли чересполосно с посадскими дворами, предопределила причастность к восстанию служилых людей, включая помещиков и подьячих съезжей избы. Посадские люди Пскова, как и других русских и большинства западноевропейских городов, состояли в мобилизационном резерве и располагали оружием, которое было гарантией как организованного сопротивления правительственным войскам, так и относительного социального мира в городе. Этот фактор препятствовал разрастанию в Пскове «классовой борьбы», которая могла принять формы массовых репрессий и экспроприации имущества наиболее состоятельных представителей посада.

Ключевые слова: Псков, восстание, структура, стрельцы, репрессии.

1 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Pskov Uprising of 1650: Town vs State

Arakcheev Vladimir Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Director, Russian State Archive of Ancient Acts; Professor, National Research University Higher School of Economics.

arakk@rambler.ru

Abstract: The article presents research findings of the fundamental principles of Pskov's life in mid-17th century that determined social interaction trajectories during the uprising of 1650: provision system of "streltsy" garrison, arming the townspeople, and market mechanisms for the urban economy functioning. It is shown that the dispersed structure of population distribution, when the courtyards of service people and clergy stood interspersed with the courtyards of the townspeople, determined the involvement of service people, including landowners and *syezzhaya izba* clerks in the uprising. The townspeople of Pskov, like those of other Russian and most Western European cities, were part of the mobilization reserve and had weapons. This was a guarantee of both organized resistance to government troops and relative social peace in the city. The factor prevented the growth of "class struggle" in Pskov, which would have been expressed in mass repressions and the wealthiest representatives of the settlement property expropriation.

Key words: Pskov, uprising, structure, "streltsy", repressions.

Псковское восстание 1650 г. резко выделяется из ряда других городских движений XVII в. своим упорством и продолжительностью. Продолжительность восстаний в русских городах XVII в., за исключением периода Смутного времени (в годы Смуты само понятие восстания оказалось размытым: против кого восставать, если в стране нет законной власти?), исчислялась днями; в исключительных случаях — неделями. Так, длительность восстания в Устюге Великом составляла один день — 9 июля 1648 г.; восстания в Соли Вычегодской длились 12-14 февраля 1636 г. и 21 июня 1648 г., в Воронеже — 25-27 апреля 1646 г. и 26 июня 1648 г., в Тотьме — 12-22 декабря 1647 г., в Козлове — 11 июня 1648 г., в Курске — 5 июля 1648 г., в Рузе — 14 сентября 1648 г., в Новгороде — 15 марта-13 апреля 1650 г., в Москве — 1-12 июня 1648 г.² Жизнь повстанцев в дни этих восстаний была спрессована настолько, что повседневность просто не успевали зафиксировать документально. Кроме того, известна скудость данных о населении русских городов: писцовые книги посадков 1620-х гг. в большинстве своем не сохранились, а в переписных книгах фиксировалось главным образом тяглое население.

Напомним основные факты истории Псковского восстания: движение вспыхнуло спонтанно в конце февраля 1650 г. на почве слухов о скупке хлеба на местном рынке псковским посадским человеком Федором Емельяновым для выплаты Швеции в качестве компенсации за перебежчиков. Ведший крупную оптовую торговлю Емельянов сохранял деловые и семейные связи с Псковом; зафиксированный в переписной книге 1646 г. двор был разграблен повстанцами 28 февраля 1650 г., сам купец с помощью

2 *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М., 1948. Т. 2. С. 159. *Е. В. Чистякова* выдвинула гипотезу о московском восстании, длившемся до открытия Земского собора в сентябре 1648 г., но не смогла подкрепить ее убедительными фактами. См.: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975. С. 80–81.

архиепископа Макария бежал в Новгород и затем в Москву. Жена Емельянова была арестована и находилась два дня в земской избе; уже тогда «хотели ее пытать, а спрашивали про него, Федора»³, однако в марте 1650 г. она, судя по всему, не была подвергнута пытке и вернулась на свой ограбленный двор, что следует из публикуемого в Приложении «извета» о пытке жены Емельянова.

С середины марта восстание перешло в стадию организованного мятежа, выразившись в аресте бывшего и назначенного воевод, захвате городских укреплений и арсенала, выборе нового состава земской избы, к которой перешло управление городом. В адрес государя была составлена и доставлена делегацией от всех чинов города «Большая челобитная», в которой были систематически изложены претензии провинциальных сообществ, включая местных дворян, к центральной власти; с мая по август город был блокирован корпусом И. А. Хованского, а повстанцы вступали в вооруженные столкновения с правительственными войсками. В июне организованное повстанческое движение вновь стало прорываться вспышками насилия; террор против оказавшихся первоначально на стороне повстанцев дворян привел к казни не менее 15 человек; город был приведен к умиротворению в середине августа 1650 г. в результате смещения руководителей повстанцев и переговоров земской избы в новом составе с делегацией Земского собора.

В классической монографии М. Н. Тихомирова о Псковском восстании, построенной на следственных делах, был собран уникальный материал, в большинстве своем демонстрирующий динамику социального процесса. Однако на пути исследователя воз-

3 Описание двора: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8498. Л. 304. «Во дв. Федька Омельянов, у него в подсоседе Ямсково приказу недельщик Михайло Иванов сын Тупиков, да ево федоровых крепостных людей Гаврилко Миронов, у него сын Давыдка, да ево ж люди Левка Гаврилов да Ивашко Матвеев, у него сын Харка»; *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1898. Кн. 1. М., 1898. С. 308–310.

никли два взаимосвязанных препятствия. Во-первых, Тихомиров искусственно ограничил источниковую базу монографии материалами, непосредственно относящимися к периоду восстания. Ему остались неизвестны переписные книги 1646 г. и особенно 1678 г., по которым только и можно составить представление о социопро-странственной структуре Пскова XVII в. Из дела 1647/48 г. о вы-даче служилым людям городов Новгородской четверти денежного и хлебного жалованья он изучил лишь опубликованную роспись, не дающую ответа на вопрос о реальной выдаче жалованья нака-нуне восстания⁴. Тихомиров детально изучил только следственное дело о Псковском восстании, насчитывающее девять столбцов фонда Приказных дел старых лет, кратко охарактеризованных им в заключении к его монографии; из этих столбцов Тихомировым было опубликовано 39 документов⁵.

Как следствие, во-вторых, не знакомый с социопро-странственными характеристиками Пскова, Тихомиров был вынужден «перескочить» наиважнейшую стадию исследования и перейти непосредственно к сословно-классовому анализу, минуя источ-никоведческий и социально-экономический. Поэтому без ответа были оставлены важнейшие вопросы: как оказались причастны к восстанию служилые люди, включая помещиков и подьячих съезжей избы; почему восстание длилось пять месяцев; почему, несмотря на остроту противостояния города с правительствен-ными силами, внутри посадской общины не наблюдалось фактов конфискации имущества у верхушки посада. Наконец, почему восстание было не подавлено, а прекращено в результате компро-мисса, причем его зачинщики и организаторы не только не были казнены, но в течение трех месяцев оставались в Пскове и лишь в ноябре 1650 г. были высланы из города. Для сравнения укажем, что по результатам следствия в Курске уже через месяц после вос-

4 Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 41–42.

5 Там же. С. 137–138, 239–329.

стания 5 июля 1648 г. пятеро «пущих воров и заводчиков» были казнены, а 43 человека пытаны, биты кнутом и сосланы после тюремного заключения⁶. И наоборот, масштабы и упорство сопротивления повстанцев напоминают события Смуты в России начала XVII в., когда жители Пскова или городов Рязанской земли годами не признавали центральную власть, демонстрируя беспрецедентное единство⁷.

Первую группу вопросов М. Н. Тихомиров объяснял страхом служилых людей перед карами со стороны повстанцев, а вторую — страхом правительства перед повторным возмущением приграничного города. Причины восстания и его длительность объяснялись Тихомировым и объясняются современными историками традиционно: недовольством народа злоупотреблениями воеводской администрации, ростом налогового бремени, привилегированным положением иностранных купцов и иноземцев в полках нового строя. Кроме того, писавший монографию в начале 1930-х гг. Тихомиров не мог не понимать опасность фактов, свидетельствующих о чрезмерной жестокости повстанцев в отношении их классовых врагов, и оставил за пределами своего исследования источники, содержавшие единичные показания подобного рода.

В настоящей статье, которая представляет собой развитие идей, впервые изложенных в главе монографии⁸, фокус внимания смещен на фундаментальные основы жизни горожан, которые предопределяли траектории социального взаимодействия: дисперсную структуру размещения населения, систему обеспечения стрелецкого гарнизона, вооружение посадского населения и огра-

6 Чистякова Е. В. Указ. Соч. С. 125.

7 Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004; Кирпичников И. А. Центр против «пригородов»: Смутное время в Рязанской земле // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1. № 1. С. 11–42.

8 Аракчеев В. А. Средневековый Псков. С. 197–238.

ниченность репрессий, а также рыночные механизмы функционирования городской экономики. Этим обусловлено обращение к документам выборочно опубликованных Тихомировым дел, и таким образом, во-первых, удастся объяснить необъяснимые до сего дня загадки псковского движения 1650 г., и, во-вторых, узнать, что происходило в восставшем городе на повседневном уровне после того, как повстанцы добились победы.

Определяющим является вопрос о размещении населения в городе в XVII в. У Тихомирова, не знакомого с переписными книгами Пскова 1646–1678 гг., были самые общие представления по этому предмету: состав городских сотен был известен ему по опубликованным документам 1631 г. Сами же сотни исследователь считал не только административно-политическими, но и производственными единицами, подобными западноевропейским цехам⁹. Введенные нами ранее в научный оборот материалы переписных книг мы в данной статье дополняем ретроспективным анализом переписной книги Пскова 1678 г., что позволит взглянуть на положение дел в городе под иным углом зрения. Этот источник уникален по своему содержанию: в отличие от большинства переписных книг псковская книга 1678 г. содержит перечень не только посадских, но и «белых» дворов, принадлежавших дворянам, подьячим, служилым по прибору, церковному причту, городским и дворцовым бобылям¹⁰. Большая часть псковских стрельцов жила за пределами города в стрелецкой слободе, и их дворы в книге зафиксированы не были; описание населения в «белых» дворах неполное; в освобожденных от тяглой раскладки служилых и церковных дворах были отмечены лишь хозяева, но социальная структура города в книге 1678 г. представлена исчерпывающе. Детальный пространственный анализ состава и размещения населения Пскова меняет сложившиеся представ-

9 Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 29.

10 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8500. Л. 1–413.

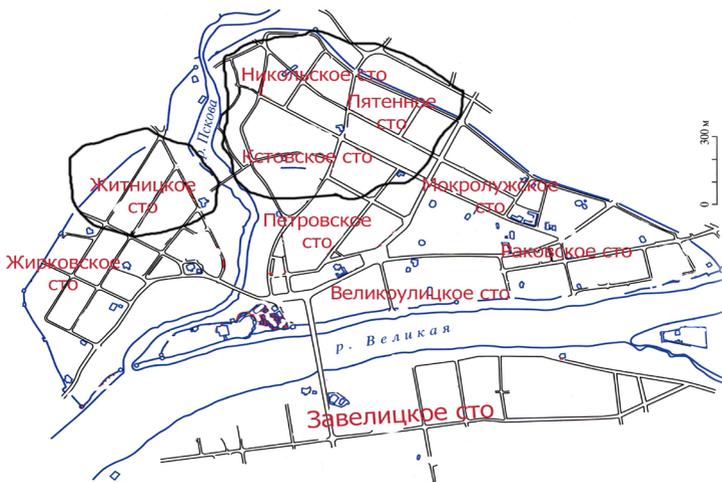
ления о русском городе XVII в. и социальной динамике в нем (см. Таблицу 1 и карту-схему).

Таблица 1.
Социальная структура Пскова
по переписным книгам 1678 г.

Городские сотни	Количество дворов по категориям населения					
	Посадских	Дворянских/ подьяческих	Служилых по прибору	Церковных	Прочих	Итого
Петровская	40	33/0	26	20	49	168
Великоулицкая	32	24/18	12	21	22	139
Жирковская	122	24/11	31	37	54	279
Житницкая	96	13/0	0	36	65	210
Кстовская	120	2/2	8	12	39	183
Никольская	111	4/0	21	17	40	193
Пятенная	114	2/0	33	13	13	175
Мокролужская	112	71/0	46	22	48	299
Раковская	61	53/0	51	14	57	236
Завелицкая	96	0/0	24	10	123	253
Всего	904	226/31	252	202	510	2139

Пространственный анализ социальной структуры населения показывает, во-первых, что из десяти городских сотен лишь в четырех было чрезвычайно мало дворянских дворов и почти не было дворов подьячих. Эти условно «плебейские» по структуре населения районы примыкали к реке Пскове, и один из них

находился за пределами крепостных стен, за рекой Великой. В шести же городских сотнях дворянские, подьяческие и церковные

Административное деление Пскова по переписным книгам 1646 и 1678 гг.

дворы составляли весомую часть (от 60 до 77%) населения, а в трех центральных сотнях — Великоулицкой, Петровской и Раковской — численность дворянских дворов была сопоставима с численностью дворов посадских людей. Безусловно, часть из этих дворов использовалась в качестве осадных на случай войны, но в переписной книге 1678 г. зафиксированы и те помещичьи дворы, в которых хозяева жили постоянно: в Великоулицкой сотне зафиксирован двор псковского дворянина Бешенцова, который «живет сам без съезду»¹¹.

Анализируя социальные антагонизмы в городе при помощи концепта классовой борьбы, Тихомиров видел противовес «революционному правительству» Пскова в «контрреволюционных силах», в коалицию которых он включал помещиков, стрелец-

11 Там же. Л. 179.

ких и казачьих голов, духовенство и «лучших» посадских людей¹². Подобная «коалиция» сложилась и в Новгороде, но Новгородское восстание было подавлено спустя месяц после его начала. Общеизвестно, что именно непреклонная позиция митрополита Никона, обличавшего новгородских повстанцев, а затем, в решающий момент, 17 марта 1650 г. освободившего их от клятвы «стоять заодно», сыграла решающую роль в усмирении восстания в Новгороде¹³. Значительным изъяном реконструкции Тихомирова было то, что он воздержался от анализа реальной позиции псковского духовенства, хотя сам приводил цитаты и публиковал правительственные документы, свидетельствующие о, возможно, единичных фактах поддержки повстанцев со стороны приходского причта.

Речь идет об агитации попа Евсея (Евсевия) против участия псковичей в процедуре крестоцелования 17 августа 1650 г. В грамоте патриарха Иосифа псковскому архиепископу Макарию было указано отлучить «ото всякие церковные службы» тех попов и церковных причетников, которые к «вором пристали, или пристанут»¹⁴. Однако в отличие от Никона псковский архиепископ лишь в начале восстания решился спасти жизнь Ф. Емельянову, а затем вел службы в Троицком соборе в течение пяти месяцев восстания, не посягая на антиправительственное городское «единение». Лишь 30 июля 1650 г., накануне капитуляции и в предчувствии ее, Макарий предложил делегации выборных людей покаяться и написать царю повинную челобитную, за что на следующий день был прикован цепью в богадельне. Наблюдая на протяжении пяти месяцев такое ренегатское поведение, приходские попы и причт не могли не подражать иерарху и в большинстве своем остались безучастными свидетелями происходивших событий.

В составе реконструированной Тихомировым «коалиции» отсутствуют подьячие Псковской съезжей избы и площадные

12 Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 56–57.

13 Там же. С. 151–153.

14 Там же. С. 273, 302–315.

подьячие, многим из которых после завершения восстания были предъявлены обвинения в причастности к «воровству» и «всякому дурну», творившимся «мятежниками и изменниками». В своих челобитных, написанных после подавления восстания, площадной подьячий Захар Осипов тщательно затушевывал обстоятельства своего участия в действиях повстанцев, упирая на то, что его привлекли к службе в земской избе вопреки его воле. Представляется, однако, что, если бы З. Осипов действительно вступал в прелюбие с руководителями восстания, и прежде всего с Гаврилом Демидовым, последний не поручил бы ему деликатную миссию написания обращения «к литовскому королю о помочи ратных людей о пяти тысячах».

Основательными представляются и обвинения псковских помещиков в пособничестве повстанцам в адрес подьячего Разрядного стола съезжей избы Владимира Самойлова, который благополучно пережил восстание в Пскове, а уже в конце 1650 — начале 1651 г. вымогал посулы у псковских детей боярских¹⁵. В челобитных, составленных после подавления восстания, его попутчики ссылались на конкретных персон, которые могли бы подтвердить их показания: подьячий Г. Артемонов обстоятельно рассказывал, как к нему в Псков приходили посланцы «тайным же обычаем от Афанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина для вестей и псковских воров и мятежников мысли и для корму»¹⁶. Но очевидно, что выведать «мысли» псковских мятежников мог лишь тот, кто вращался вблизи или непосредственно в центре принятия решений — земской избе.

Особую группу «интеллектуалов» составляли площадные подьячие, кормившиеся «от дел» просителей и зачастую выступавшие в роли позднейших стряпчих при судах: будучи тесно связанными с посадом, они и действовали последовательнее. Не случайно одним из лидеров повстанцев стал «площадных по-

15 РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 98. Л. 197, 200.

16 Там же. Л. 211.

дьячих староста Томилко Васильев Слепой»¹⁷. Представляется, что и примкнувшие к восстанию псковские дворяне тоже не всегда действовали против своей воли: будучи в большинстве своем мелкопоместными, живя в городе чересполосно с посадскими и мелкими служилыми людьми, они не могли не ощущать своего ущемленного положения даже в отношениях с местным приказным миром. И лишь открытое вооруженное противостояние с правительственными войсками в июне — июле 1650 г. вызвало переход дворян на сторону правительственных сил, уклонение от участия в вылазках и ответные репрессии.

Второй проблемой, нуждающейся в отдельном обсуждении, является роль стрелецкого гарнизона в Псковском восстании. Вопреки общераспространенному мнению, русские стрельцы не были уникальным явлением среди европейских и ближневосточных стран. Еще Ч. Тилли заметил, что «на уровне государства организационное разделение вооруженных сил на те, что участвовали в сражениях с внешним врагом и тех, которые были ориентированы на контроль над местным населением, происходило очень медленно и никогда так и не стало полным»¹⁸. Близкую аналогию русским стрельцам представляли систематически участвовавшие в государственных переворотах в Стамбуле турецкие янычары. Стрельцы приняли участие в восстании 1648 г. в Москве, в Новгородском восстании 1650 г., хотя в Новгороде они уже через месяц перешли на сторону правительственных сил.

Участие псковских стрельцов в восстании было последовательным и долговременным. Невзирая на уговоры командиров, стрельцы упорствовали в своем непреклонном противостоянии с правительством. Когда один из голов стрелецкого приказа С. И. Челеев после подхода корпуса И. А. Хованского усилил свою агитацию среди подчиненных, настаивая, чтобы они «под сыск

17 Там же. Л. 198.

18 Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства (990–1990). М., 2009. С. 120.

здались», он был брошен в тюрьму. Из девяти руководителей повстанцев, высланных в ноябре 1650 г. в Новгород, было шесть стрельцов, что свидетельствует как о масштабах участия их приказов в восстании, так и о непримиримости их позиции¹⁹. Какие же обстоятельства сыграли решающую роль в радикализации настроений стрельцов?

Стрелецкий гарнизон Пскова состоял из трех приказов и насчитывал около 1 тыс. «старых» и около 300 новоприборных стрельцов. Опубликованная в XIX в. и изученная М. Н. Тихомировым роспись 1647/48 г. входит в состав оставшегося неизвестным исследователю архивного дела о выдаче жалованья служилым людям Новгорода и Пскова²⁰. Его материалы позволяют дать аргументированный ответ на поставленные вопросы. Выдача жалованья новгородским и псковским стрельцам «в прошлых годах» (до 1646/47 г.) осуществлялась по памятям из Стрелецкого приказа и под его контролем деньгами, получаемыми в виде четвертных доходов с Пскова и его земли и в зерновом эквиваленте (юфтями ржи и овса). Согласно росписи, «псковским же стрельцом всех трех приказов государева хлебново жалованья по окладу» полагалось «7878 четьи ржи, овса тож; пятидесятником по 7-ми четей, десятником по 6,5 четей, рядовым по 6 четей ржи, овса по тому ж человеку»²¹.

Взимаемые в Пскове и его земле налоги «за стрелецкий хлеб» далеко не всегда покрывали потребности стрелецких гарнизонов Пскова и его пригородов. В росписи 1647/48 г. констатировалось, что «в которых годах стрелцом во Пскове за хлеб доходов з дачю не ставало, и им давано хлебное жалованье из дворцового хлеба, а в иные годы во Псков к тамошним доходом стрелцом на хлебное жалованье посыланы денги с Москвы из доходов Новгородские четверти». Дефицит местного бюджета к началу 7156 финан-

19 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 98. С. 55–56, 124.

20 Там же. Д. 113. Л. 62–150.

21 Дополнения к Актам историческим. СПб., 1853. Т. V. С. 122–125.

сового года составил 2059 руб. 9 алт. 3 деньги²². Свойственное правительству И. Д. Милославского стремление к оптимизации бюджетных расходов вызвало роковую для Пскова инновацию. Бюджетная роспись о выдаче жалованья псковским стрельцам в 1647/48 г. была составлена не в Стрелецком приказе, а в Новгородской четверти, а ее главным новшеством была замена хлебного жалованья, выдававшегося ранее в зерновом эквиваленте (юфтями ржи и овса), денежной компенсацией.

Согласно указу от 24 января 1648 г., псковским стрельцам предписывалось выдать «денежное жалованье и за хлеб на нынешней на 156-й год денгами ис тамошних доходов по срокам против прошлого 155-го году по псковской и псковских пригородов по меньшей цене, по чему купят рожь и овес меньшей ценою». Причем жалованье следовало выдавать в два этапа, 25 сентября («Сергеевского сроку») и 25 марта («на Благовещенье день»): «денежное и за хлеб денгами из наших из псковских ис четвертных доходов, а давали б естя им за хлеб денгами за казенную отдаточную медяную стрелецкую меру по сроком по ценовным памятем, по чему в нынешнем во 156-м году о Сергиевском сроке на торгу рожь и овес купили, и о Благовещенье дни учнут купити по меньшей цене за отдаточную ж меру по розчету против торговые меры за три полуосмины»²³. Это предписание было продиктовано стремлением сэкономить на выплатах стрельцам, поскольку уменьшало суммы жалованья до эквивалентных минимальным хлебным ценам.

Предписание таило в себе серьезные риски, проистекавшие из нестабильности хлебных цен на рынках северо-западных русских городов, и правительство эти риски осознавало, судя по ремарке о необходимости фиксировать «дачи» «в росходные книги и в сметной годовой список имянно себе статьею, чтоб ни в чем *смуты* (курсив мой. — *Прим. авт.*) не было»²⁴. Любое

22 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 113. Л. 136.

23 Там же. Л. 107, 111.

24 Там же. Л. 120–121.

внешнее воздействие могло привести к резкому скачку цен; угроза такого повышения актуализировалась весной 1650 г. в связи с известным договором со Швецией о скупке хлеба на псковском рынке шведским гостем Нумменсом и купцом Емельяновым для выплаты Швеции в качестве компенсации за перебежчиков. Именно угроза повышения цен и сокращения объема хлеба, который мог бы быть закуплен на деньги, выплаченные из расчета «меньшей цены», и радикализовала требования стрельцов, приводя к столь опасной «смуте».

Третьим вопросом, неизбежно встающим перед исследователем Псковского восстания, является проблема вооруженного сопротивления правительству гражданского населения города. Тихомиров полагал, что единственной боеспособной силой в городе были стрельцкие приказы и дворянские сотни; ополченцы же из посадских должны были быть вооружены хуже и не имели навыков участия в бою. Во-первых, преувеличивать интенсивность противостояния под стенами Пскова не следует: вопреки мнению ряда исследователей город не был осажден и тем более в течение полугода; корпусу И. А. Хованского удалось его блокировать лишь 28 мая 1650 г.; следовательно, блокада города продолжалась не более двух с половиной месяцев. А во-вторых, новейшие исследования позволяют откорректировать представления о вовлеченности посадских людей в нужды обороны города.

Ранее нами были введены в научный оборот данные о вооружении тяглого населения Северо-Запада России в 1627–1638 гг. Было показано, что в 1635–1638 гг. 890 человек посадских людей Пскова были учтены в сметных росписях как потенциальные защитники города с закрепленным за ними оружием. Вооружение же тяглого населения и включение его в состав боевых формирований (десятков и полусотен) порождало готовность ополченцев использовать

оружие и в условиях мира против действующей власти²⁵. В расспросных речах лета 1650 г. фиксируется немедленная реакция псковских повстанцев на предполагаемый подход правительственных сил: «А снаряд де по городу поставили, и пушкарей, где кому стоять росписали; зелье и свинец всяких чинов людем роздали»²⁶. В цитированном донесении не упомянуто оружие, что могло означать лишь одно: оружие было на руках у людей «всяких чинов», и прежде всего посадских, в то время как в городском арсенале хранились артиллерийские орудия и «затинные» (стационарные) пищали.

Посадские люди Пскова, как и других русских городов, состояли в мобилизационном резерве и располагали оружием в течение всего XVII столетия. Вооруженные отряды милиционного типа содержало и большинство западноевропейских городов, в особенности в Нидерландах, где функционировали стрелковые гильдии²⁷. Наиболее подробные данные о мобилизационном резерве Пскова содержатся в сметной книге 1695 г., материалы которой пригодны для ретроспективного анализа. Учету и вооружению в городе подлежали все совершеннолетние мужчины, способные носить оружие, включая сыновей, зятьев и внуков хозяина двора. Особенно показательно вооружение богатейших псковских купцов Русиновых, отец которых, Афанасий Русинов, был участником Земского собора 1648–1649 гг. В сметной книге были учтены двое братьев Русиновых с двумя сыновьями, племянником и двумя внуками, то есть семь взрослых мужчин, вооруженных пищал-

25 Аракчеев В. А. Ополчение из «всяких жилецких людей»: мобилизационные ресурсы городов Северо-Запада России в 1630-х гг. // Тридаты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648). М., 2018. С. 211–220.

26 РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 24. Л. 559.

27 *Buylaert F., Van Camp J., Verwerft B.* Urban Militias, Nobles and Mercenaries. The Organization of the Antwerp Army in the Flemish-Brabantine Revolt in 1480s // *Journal of Medieval Military History*. IX. 2011. P. 146–166; *Prak M.* Corporate Policies in the Low Countries: Guilds as Institution 14th to 18th Centuries // *Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation* / ed. M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly. Aldershot, 2006.

лями²⁸. Пищаль и бердыш, как известно, составляли вооружение стрельца. Таким образом, в 1695 г. псковский гарнизон составлял два полка стрельцов численностью 1961 чел., к которым можно присовокупить 302 чел. ополченцев, вооруженных пищальями, и 270 чел. — бердышами. К 2536 стрельцам и ополченцам можно присовокупить 569 посадских, вооруженных топорами и копьями. В 1650 г. в Пскове были размещены два примерно таких же по численности стрелецких приказа, а его посадское население в течение 1640–1670-х гг. колебалось в пределах 890–900 дворов. Следовательно, численность псковского гарнизона и в 1650 г. достигала 3000 чел. Такое количество стрельцов и ополченцев, расставленных на боевых позициях по стенам и башням, было вполне сопоставимо с численностью корпуса И. А. Хованского, который даже не решился приступить к осаде города, ограничившись блокадой дорог.

Таблица 2.
Вооружение посадских людей Пскова
по сметной книге 1695 г.

Городские сотни	С пищальями	«3 бердыши»	С топорки	С копиями	Итого
Петровская	11	11	12	5	38
Великоулицкая	10	9	5	6	30
Жирковская	42	27	23	27	119
Жигницкая	31	18	27	24	100
Кстовская	21	19	25	20	85
Никольская	29	34	32	45	140
Пятенная	37	39	44	46	166

Мокролужская	41	56	42	38	177
Раковская	46	16	15	23	100
Завелицкая	45	37	36	48	166
Всего	302	270	269	300	1141

Этот факт бросает свет на четвертую нуждающуюся в обсуждении проблему: масштабы и направленность репрессий повстанцев в отношении сторонников правительства. Необъяснимое до настоящего времени обстоятельство состоит в том, что, невзирая на остроту противостояния с правительством, в Пскове не наблюдалось острых проявлений «классовой борьбы», которая выражалась бы в массовой экспроприации имущества наиболее состоятельных представителей посада (за единственным исключением — посадский человек, а с марта 1650 г. гость Ф. Емельянов). Вышеупомянутые подьячие, обвинявшиеся после подавления восстания в соучастии в нем, акцентировали внимание на грабеже их дворов, что носило в отношении этих далеко не самых состоятельных служилых людей явно демонстративный характер. Если же предположить, что в большинстве домов верхушки посада жили несколько вооруженных пищальями и не учтенным в сметных книгах холодным оружием мужчин, как это было во дворах потомков участника Земского собора А. Русинова, становится понятной основная причина, по которой не были разграблены их дворы. «Вооруженный нейтралитет» состоятельных посадских людей, открыто не противившихся руководству восстания и даже шедших на определенные компромиссы, как будет показано далее, был лучшим средством сдерживания классовой ненависти бедноты.

Немаловажные коррективы в представления о репрессивной политике повстанцев вносит сохранившийся в составе одного из столбцов следственного дела «извет» холопа, бежавшего из осажденного Пскова в полки И. А. Хованского. В этом не опубликованном и не процитированном М. Н. Тихомировым весьма красноречивом документе идет

речь о примененной по отношению к жене бежавшего из Пскова купца Ф. Емельянова, получившего чин московского гостя, пытке и осуществленной конфискации его имущества (см. Приложение)²⁹. Вторичное после кратковременного ареста 28 февраля дознание жены Емельянова осуществлялось в Петровский пост, который в 1650 г. продолжался с 10 по 28 июня. По сообщению извetchика, при дознании присутствовали «староста Мишка Мошницын, да Федка Сорокоалтынов, Мишка Русинов, Анкудинко Гдовленин».

Все четверо «добрых людей» хорошо известны по событиям восстания: М. Мошницын был одним из двух всегородных старост до июля 1650 г., а Ф. Сорокоалтынов и А. Гдовленин — одними из наиболее активных предводителей восстания. М. Русинов, представитель купеческой семьи и сын участника Земского собора 1648—1649 гг., стал одним из всегородных старост позднее, в июле 1650 г., но его участие в процедуре дознания было наверняка мотивировано стремлением продемонстрировать лояльность руководству повстанцев. Руководил дознанием другой известный предводитель повстанцев, посадский человек Дружина Бородин, который накануне завершения восстания бесследно исчез из Пскова, но затем вернулся в город, был арестован и в декабре 1650 г. выслан в Новгород для дальнейшего розыска³⁰.

Совершенно очевидно, что факт пытки жены Ф. Емельянова, которой было нанесено 56 ударов плетью или розгами, был из ряда вон выходящим. Но, так или иначе, он стоит в одном ряду с расправой над псковскими дворянами, казненными по подозрению в предательстве после сражения с правительственными войсками³¹. По результатам пытки была осуществлена вторичная конфискация «живота» Федора Емельянова: сало и лен «продали на Немецкой двор, а имали денги и соль, и денги де взяли в земскую избу, а соль де положили на Гостине дворе»³². Помимо самих фактов пыток и конфискации, важно под-

29 Там же. Ф. 141. Оп. 2. Д. 63. Л. 52–52 об.

30 Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 328–329.

31 Там же. С. 102, 116.

32 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 63. Л. 52.

черкнуть проявившееся разделение жителей города отнюдь не по классовому признаку, поскольку классовые интересы семей Емельяновых и Русиновых, очевидно, были ближе, нежели умонастроения Русиновых и восставших посадских и стрельцов.

Пятой важной проблемой является понимание того, как функционировала «экономика» (рыночные механизмы) восставшего города. В течение трех месяцев (конец февраля — конец мая 1650 г.) в непосредственной близости от Пскова отсутствовали верные правительству войска. Запланированная на март закупка хлеба на псковском рынке правительственными агентами не состоялась; следовательно, продажа свезенного в город осенью-зимой 1649 г. хлеба должна была идти обычными алгоритмами, диктуемыми повседневными потребностями горожан. Для оценки продовольственной ситуации в городе важны два маркера. Первый маркер являет себя в том, что в период с 27 февраля (начало восстания) по 25 марта, когда состоялась передача города от воеводы Никифора Собакина новоначиненному воеводе кн. Львову, Собакин раздал крестьянам дворцовых волостей из дворцовых житниц «хлеб». Это был «десятинный хлеб», который дворцовые крестьяне сдавали государству в качестве натуральной повинности, и часть которого обычно шла на пополнение «стрелецкого хлеба», составлявшего натуральное жалованье стрелецкого гарнизона. Раздача хлеба была поставлена повстанцами в вину Собакину, который именно за это содержался под арестом. Невзирая на осуществленную раздачу, в челобитных, расспросных речах, донесениях правительственных агентов из Пскова нет упоминаний о дефиците хлеба в городе или росте цен в марте — августе 1650 г.

Вторым маркером является состояние кабацкого дела в Пскове, материалы по истории которого были введены нами ранее в научный оборот. Посадский человек Сретенской сотни из Москвы Иван Тюкин вместе со своими товарищами получил на откуп шесть кабаков в Пскове и его округе и управлял ими с 1 сентября 1649 по 1 сентября 1651 г., то есть в период восстания 1650 г. Из его челобитной

известно, что опочечкии стрельцы, правительственные войска и местные жители в июне — июле 1650 г. разграбили один из находившихся в его управлении кабаков в дворцовой волости Новая Уситва, неподконтрольной псковским повстанцам³³. Однако в сохранившейся челобитной от января 1651 г. откупщик ни словом не упомянул о каких-либо проблемах, возникших с пятью его кабаками в восставшем Пскове. Это значит, что их функционирование шло заведенным порядком, на питейные дворы поставлялись как востребованные потребителями напитки из-за рубежа, так и хлебное сусло местного изготовления, что опять же свидетельствует об отсутствии проблем с продовольственным обеспечением города.

Изложенные факты показывают не просто реалии повседневной жизни региона, население которого рискнуло бросить вызов верховной власти. Такая борьба неизбежно перерастала в борьбу за ресурсы, одним из видов которых было производство и дистрибуция алкогольных напитков. Политический опыт Псковского восстания в этом отношении не был уникален. Всего лишь годом-двумя раньше аналогичная борьба велась в восставшем против власти воеводы и приказных Томске. Н. Н. Покровский особо подчеркивал значение регулярных раздач казенного вина «всех чинов людям» по царским и церковным праздникам. Согласно показаниям свидетелей по следственному делу, пристав винного погреба С. Моклоков выдавал чарки государева вина казакам, подьячим и попам, «чтоб воровской их совет был крепок». Произведенное вино реализовывалось через кабаки, и, по словам одного из информаторов, была «учинена вольность большая, николи столько кабаков в Томском не бывало»³⁴.

33 *Аракчеев В. А.* Некоторые особенности классовой борьбы в Пскове 1650 г. // Человек архивный: Сборник статей к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности / отв. ред. В. А. Аракчеев. М., 2021. С. 236–241.

34 *Покровский Н. Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 186–188.

Наконец, как минимум до середины июня 1650 г. в Пскове не прерывалась торговля с зарубежными контрагентами. В донесениях и расспросных речах фигурируют как обычное явление «литовские приезжие люди», закупавшие сушеную рыбу у монахов Печерского монастыря или размещавшиеся со своими товарами, как обычно, на территории гостиного «немецкого двора». «Иноземцы литовские люди торговые люди полочане» пребывали на немецком дворе еще 13 июня 1650 г., в самый разгар вооруженных столкновений с правительственными войсками под Псковом³⁵. Вышесказанное означает, что в период восстания 1650 г. Псков оставался подключен к торговым потокам балтийско-славянского сообщества, а в городе не было даже признаков экономического коллапса, подобного тому, в котором он, наряду с другими русскими городами, оказался в годы монетного кризиса 1661–1662 гг. и в первые годы после него.

Выводы, полученные путем анализа гораздо более репрезентативного, чем привлекавшийся предыдущими исследователями, материала, очевидны: изучение пространственно-временных структур позволяет раскрыть эвристический потенциал методов микрорегионального исследования, увидеть за динамическими метаморфозами военно-политического противостояния статику социальных отношений. Специфические черты Псковского восстания, длившегося пять месяцев и прекратившегося в результате компромисса, были порождены комплексом причин, среди которых выделяются институализированные феномены: социопространственная структура города, рыночные механизмы функционирования городской экономики, бывшей частью балтийско-славянского торгового сообщества. Важнейший мобилизационный ресурс в лице горожан-ополченцев, обеспеченных оружием, стал гарантией как организованного сопротивления правительственным войскам, так и относительно длительного

35 РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 71. Л. 11.

и устойчивого социального мира в городе в разгар острого корпоративно-классового конфликта.

Приложение.

Извет беглого холопа о пытках псковских повстанцев в отношении жены гостя Ф. Емельянова, 1650 г., ранее 24 июля

Псковитина Ивана Устинова человек сказал: Федорову де жену Омельянова пытали в Петров пост, а у пытки были староста Мишка Мошницын, да Федка Сорокоалтынов, Мишка Русинов, Анкудинко Гдовленин, а допрашивал де и пытать велел Дружинка Бородин, а допрашивали де и пытали в том, где муж ее: в Москве ли, или у боярина в полках, и присылает ли де к ней муж ее о чем к ней³⁶ грамотки, и она к нему пишет ли, и было де ей 56 ударов, а Дружинка де Бородин, пришед, брал ее за волосы, и рычал, чтоб ее полач бил нещадно. А после де пытки ее кинули в тюрьму и держат в тюрьме, а живот де Федора Омельянова — сало да лен — продали на Немецкой двор, а имали денги и соль, и денги де взяли в земскую избу, а соль де положили на Гостине дворе, а соли взяли на Федорове товаре 750 мехов небольших, в мехе пудов по десяти и по пятнатцати.

Божиею милостию великому пресветлейшему [православному] государю, царю и великому князю Алекс[ею Михайловичу] всея России самодержцу Владимирскому, [Москов]скому, Новгородскому, царю Казанскому, Астороханскому, Сибирскому, государю Псковскому и великому князю [Смоленскому], Тверскому, Югорско[му, Пермскому], Вятцкому, Болгарскому и иных государств его царского величества, и великому князю Новагорода Низовское земли, Рязанскому, Рос[товскому], Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдор[скому, Кондий]скому и всея северные страны повелителю [и государю] Иверския земли, Кар-

талинских и Грузинских [царей, и Кабардин]ские земли, Черкасских и Горских князей и иных [многих] государств государю и обладателю.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. Д. 63. Л. 52–52 об.

Литература

1. *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков: Псковская типография, 2004. 357 с.

2. *Аракчеев В. А.* Ополчение из «всяких жилецких людей»: мобилизационные ресурсы городов Северо-Запада России в 1630-х гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648). М.: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С. 211–220.

3. *Аракчеев В. А.* Некоторые особенности классовой борьбы в Пскове 1650 г. // Человек архивный: Сборник статей к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности / отв. ред. В. А. Аракчеев. М.: Древлехранилище, 2021. С. 236–241.

4. *Кирпичников И. А.* Центр против «пригородов»: Смутное время в Рязанской земле // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1. № 1. С. 11–42.

5. *Покровский Н. Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 385 с.

6. *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.: Изд. Академии наук СССР, 1948. Т. 2. 736 с.

7. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства (990–1990). М.: Территория будущего, 2009. 328 с.

8. *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 447 с.

9. *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1975. 246 с.

10. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1898. Кн. 1. М., 1898. С. 308–310.

11. Buylaert F., Van Camp J., Verwerft B. Urban Militias, Nobles and Mercenaries. The Organization of the Antwerp Army in the Flemish-Brabantine Revolt in 1480s // Journal of Medieval Military History. IX. 2011. P. 146–166.

12. Prak M. Corporate Policies in the Low Countries: Guilds as Institution 14th to 18th Centuries // Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation / ed. M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly. Aldershot, 2006. P. 74–107.

References

1. Arakcheev, V. A. (2004) *Srednevekovyi Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnaya zhizn' v XV–XVII vv.* [Medieval Pskov: Power, Society, Everyday Life in the 15th — 17th Centuries]. Pskov: Pskovskaya tipografiya.

2. Arakcheev, V. A. (2018) “Opolchenie iz ‘vsyakh zhiletskikh lyudei’: mobilizatsionnye resursy gorodov Severo-Zapada Rossii v 1630-h gg.” [“Militia of ‘All Kinds of Residents’: Mobilization Resources of the Cities of North-West Russia in the 1630s”], in *Tri daty tragicheskogo pyatidesyatiletiya Evropy (1598–1618–1648)* [Three Dates of the Tragic Fiftieth Anniversary of Europe (1598–1618–1648)]. Moscow: Institut vseobshhei istorii RAN, pp. 211–220.

3. Arakcheev, V. A. (2021) “Nekotorye osobennosti klassovoi bor'by v Pskove 1650 g.” [“Some Features of the Class Struggle in Pskov in 1650”], in *Chelovek arhivnyi: Sbornik statei k semidesyatiletiyu Yuriya Moiseevicha Eskina i 42-letiyu ego arhivnoi deyatel'nosti* [The Archival Man: Collection of Articles for the Seventieth Anniversary of Yuri Moiseevich Eskin and the 42nd Anniversary of His Archival Activities]. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 236–241.

4. Buylaert, F., Van Camp, J., Verwerft, B. (2011) “Urban Militias, Nobles and Mercenaries. The Organization of the Antwerp Army in

the Flemish-Brabantine Revolt in 1480s”, *Journal of Medieval Military History*, IX, pp. 146–166.

5. Chistyakova, E. V. (1975) *Gorodskie vosstaniya v Rossii v pervoi polovine XVII v.* [*Urban Uprisings in Russia in the First Half of the 17th Century*]. Voronezh: Izd. Voronezhskogo un-ta.

6. Kirpichnikov, I. A. (2025) “Tsentr protiv ‘prigorodov’: Smutnoe vremya v Ryazanskoi zemle” [“Center Versus ‘Suburbs’: Time of Troubles in Ryazan land”], *Territoriya: Zhurnal Istoricheskikh Issledovaniy*, 1 (1), pp. 11–42.

7. Pokrovskii, N. N. (1989) *Tomsk 1648–1649 gg. Voevodskaya vlast’ i zemskie miry* [*Tomsk 1648–1649. Voivodship Power and Zemstvo Worlds*]. Novosibirsk: Nauka.

8. Prak, M. (2006) “Corporate Policies in the Low Countries: Guilds as Institution 14th to 18th Centuries”, in M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly (ed.). *Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation*. Aldershot: Ashgate, pp. P. 74–107.

9. Smirnov, P. P. (1948) *Posadskie lyudi i ikh klassovaya bor’ba do serediny XVII v. T. 2* [*The Townspeople and Their Class Struggle Until the Mid-17th Century Vol. 2*]. Moscow: Izd. Akademii nauk SSSR.

10. Tikhomirov, M. N. (1969) *Klassovaya bor’ba v Rossii XVII v.* [*Class Struggle in Russia in the 17th Century*]. Moscow, Nauka.

11. Tilli, Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva (990–1990)* [*Coercion, Capital and European States (1990–1990)*]. Moscow, Territoriya budushchego.

12. Yakubov, K. I. (1898) “Rossiya i Shvetsiya v pervoi polovine XVII v.” [“Russia and Sweden in the First Half of the 17th Century”], in *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, 1, pp. 308–310.